

Письмо XIII.
КРАТКОЕ СЛОВО
К ИЛЛЮСТРИЮ
ПЕТРУ
ПРОТИВ УЧЕНИЯ
СЕВИРА

Воистину выказал благословенный господин мой, что телесное разлучение друг от друга никак не может уменьшить духовную любовь, когда люди духовно связаны по Богу любовью друг к другу, — не посчитав недостойным одарить меня, ничтожного и грешного, в котором нет ничего, что бы стоило его любви, своим драгоценным письмом. Получив его, я возрадовался и в духе обнял его, будто он пришёл, и по обыкновению возблагодарил единого Бога и Спасителя всех Христа [292] за то, что господин мой, как я понял, благополучно совершил свой путь по воде. Ведь и присутствуя воистину любезен благословенный господин мой, и отсутствуя не менее всем мил, чем когда присутствует, ради озаряющей его благодати нищеты Святого Духа (Мф 5:3), через которую всякий, кто подлинно усваивает её себе, как Божию добродетель, делается храмом святым в обитание в духе Бога, умалившего Себя до образа раба и словом и делом выказывавшего её людям; Ему подражая, и сам благословенный господин мой стяжал в душе кротость и смирение. Кротость — потому что угасивший страстные движения гнева и вожделения делается угоден Богу и людям. Ведь кротость есть не что иное, как полная недвижность гнева и вожделения ради неестественного; <512> у кого есть она, тому становится ясна Божия воля. Говорит ведь в псалме великий Давид: «Направляет кротких в суде, и научает кротких путям Своим» (Пс 24:9). И смирение — потому что отсекающий жёсткость высокомерия делается угоден Богу и приятен людям. Ведь смирение есть познание всепревосходящей и созидательной причины через сопоставительное сравнение каждой вещи с Богом, по которой является доброе расположение людей друг к другу и отпущение прегрешений должникам. «Призри, — говорит ещё тот же великий

Давид, — на смирение моё и на изнеможение моё, и прости все грехи мои» (Пс 24:18).

Дабы так и проводил жизнь благословенный господин мой и сохранил в прямом смысле слова неколебимо стойкость веры во Христа, молюсь я, и был неподвластен любым бурным волнам ересей как искреннее чадо святой Божией соборной и апостольской Церкви, утвердившееся на благочестивом исповедании, которого отнюдь не одолеют разверзшиеся, будто врата ада, скверные уста еретиков (Мф 16:18). Об этих незаконных привоях, незаконно привитых от дикой маслины к доброму дереву, узнал я ещё до того, как вы, благословенные, мне написали, потому что, по слову пророка, «как пёс на блевотину свою» (Прит 26:11), так и они должны вернуться к смрадному [293] зловонию своей веры, как новые Симоны [Маги], Деманты и Гермогены, решившие предпочитать обман истине, но ничуть не задевающие, что бы они ни думали, глашатаев благочестия своим отступничеством, а скорее заслуженно вредящие сами себе и лишаяющиеся благодати; и даже нынешним веком, ради которого отступили от истины, не могут они насладиться, как хочется, потому что он по природе нестойк и переменчив и всегда убегает от того, кому кажется, что он им овладел.

Ибо воистину смрадна, и исполнена зловония, и лишена всякой благодати любая речь, учащая, что по природе в едином Христе после неизъяснимого соединения не сохраняется то, из чего Христос составляется, и этим отрицающая всё устройство Божие о человеке, и отсекающая от Бога-Слова разумно одушевлённое тело, воспринятое от пречистой и святой преславной Приснодевы и воистину Богородицы. Ведь в самом-то деле отсекает, хоть наружно и исповедует одними устами ради обольщения внимающих, и полностью отрицает воплощение тот, кто говорит, что после соединения не существует, не сохраняется и не исповедуется природа плоти, неслитно и нераздельно соединённая с Богом-Словом по ипостаси — под предлогом якобы благочестия, чтобы не показаться рассекающим соединению числом, а на самом деле несомненно и полностью отрицающая существование после <513> соединения тех природ, из которых состоит Христос.

Более естественное рассуждение о числе

Происходит же это с ними, кажется, потому, что они не знают, что любое число и не разделяет по собственному логосу, и не разделяется, и не производит вообще ни разделения, ни соединения. Действовать (*ποιεῖν*) ведь или претерпевать число по природе

не способно, не будучи сущностью или привходящим свойством, которым принадлежит деяние (*τὸ ποιεῖν*) и претерпевание, а изъясняет лишь количество вещей, к которым относится, в каком бы отношении друг к другу они не находились — соединения ли, или разделения. Число, скажу смело, есть как бы именование количества, безотносительно к взаимоотношению входящих в него вещей. Оно ведь и не производит по природной необходимости разделения или [294] количества вещей, и не творит однородности вещей, объединённых одним видом, и вообще не является признаком какого-либо свойства отдельных вещей одного вида, различающихся друг от друга привходящими свойствами. Ведь совершать такое принадлежит Божественной премудрости и могуществу, которые всё создали и сохраняют неслитно каждый вид природным отграничением от всего остального; а число, как я сказал, выражает одно лишь количество, а не образ существования множества, как именование, по природе относящееся к количеству.

***Более строгое рассуждение о различии и количестве
и о их благочестивом исповедании***

Значит, раз по мнению Отцов число выражает количество вещей, но не их взаимное отношение, а любое количество понимается в некоей природной инаковости и непременно включает различие, — природное различие во Христе после соединения признают и противоречащие истине, — то приходится им признать после соединения и количество различающихся вещей, без чего невозможно различие посредством выражающего количество числа, без чего вообще нельзя познавать количество, если только они хотят правильной последовательностью рассуждений доказать своё учение. Если же они отрицают количество сохранившихся во Христе природ после соединения, то пусть не осмеливаются и утверждать после соединения различие природ, из которых состоит Христос — ведь им известно, что любая вещь, каким бы то ни было образом содержащая различие, не может быть полностью едина по логосу и образу бытия. А то, что не может быть полностью едино по логосу и образу бытия, разумеется, представляет собой по какому-либо логосу и образу бытия по меньшей мере две вещи, или больше. Значит, утверждающие, что после соединения в Христе есть различие, не могут сказать, что Христос после соединения полностью един по логосу и образу бытия. Если же не полностью един Христос после соединения <516> по логосу и образу бытия, то, очевидно, после соединения Христос непременно по какому-то

логосу и образу бытия [295] является двумя. А раз по какому-то логосу и образу бытия Христос после соединения является двумя из-за различия в Нем природ, из которых Он состоит и в которых существует, как уже доказано, то ясно, что понапрасну кощунствуют люди, которые признают после соединения различие природ, из которых состоит Христос, а самые природы, между которыми и есть различие, после соединения явно устраняют умолчанием — ведь отрицание существования и сохранения природ есть настоящее устранение. Ведь либо природы, по их мнению, не устраняются после соединения, а существуют и сохраняются, и правильно исповедовать, что они сохраняются после соединения; либо, если уж неправильно исповедовать природы после соединения, то правильно утверждать, что природы, по их мнению, и не существуют, и не сохраняются во Христе, и тогда природы устраняются. По-моему, о том, что неправильно даже называть, гораздо лучше и правильнее сказать, что оно вовсе не существует; или же пусть убедят нас рассуждением — как это справедливо не исповедовать во Христе природы, из которых состоит Христос, которые после соединения существуют и сохраняются без какого бы то ни было превращения и изменения, не переходя друг в друга по логосу сущности? и тогда мы покорно согласимся лишиться исповедания природ, существующих и сохраняющихся во Христе.

Как полностью один Христос по логосу и образу бытия после соединения, так же и двумя вовсе не является Христос по логосу и образу бытия после соединения. Если же по логосу и образу бытия Христос не является двумя после соединения, то непременно по какому-то логосу и образу бытия из-за ипостасной тождественности, или же единства ипостаси, по которой не может содержать различия, один Христос. Значит, раз по разным логосам и образам бытия Он, всё тот же, является и единым, и двумя, необходимо рассмотреть, по какому логосу Он является единым, а по какому — двумя.

***О том, что кощунственно утверждать,
будто Христос — просто одна природа***

[296] Если же они станут утверждать, что Он един по логосу природы, то совершенно ясно, что, по их мнению, Он как целое будет иметь просто одну природу без какого бы то ни было различия. Если же мы позволим им утверждать это, то, по их мнению, ни Богом Христос не будет, ни человеком, и вообще — ни тварью, ни творцом. Ведь природа совершенно не допускает допол-

нительного означения ни одной из этих вещей. А если, избегая очевидной нелепости, они скажут, что у Христа одна природа, но сложная — значит, не понимают, что мрак нечестия приводит их к крайнему заблуждению.

***Более строгое рассуждение о сложной природе и её логосе,
и о нечестии, утверждающих, будто Христос —
одна сложная природа***

Прежде всего, в любой сложной природе <517> схождение частей друг с другом в сложении — произвольно.

Затем её части современны друг другу и ей самой и начинают существовать одновременно, так что ни одна из частей не существует раньше другой.

Вдобавок известно, что она сотворена ради целокупности, величественно обнимающей всё; а из перечисленного ничего не усматривают во Христе желающие быть благочестивыми, чтобы не объявить невольным и ненамеренным схождение Логоса с плотью, или же Бога-Слова — ровесником возникновения плоти, или плоть — совечной Слову в безначальном бытии, или это схождение — ничем не превосходящим прочие виды, рассматриваемые в соответствии со всеобщей природой, так что Христа определим как часть, произведённую ради восполнения всеобщности силой, создавшей всё. Ведь у любой сложной природы именно такое определение, логос и закон, как сама сила истины и течение последовательных рассуждений учит утверждать тех, кто разумно исследует сущее. [297] А кто же сможет быть причислен к благочестивым, если так мыслит о Боге-Слове, существовавшем прежде всех веков, точнее говоря, создавшего все века, и по Своей воле и хотению намеренно умалившегося до нас, и вочеловечившегося ради восстановления и обновления, а не ради восполнения всеобщности. Ведь образом устройства, а не законом природы неизреченно явился людям во плоти Бог-Слово. Значит Христос, совершенно не подвластный по образу бытия закону сложной природы, — не сложная природа, как выходит по новому учению лишаящих силы Евангелие, а сложная ипостась, которой относительно вида никак нельзя приписать сложной природы, хоть и странно рассматривать сложную ипостась, не приписывая ей сложной природы в соответствии с её видом.

Если же, как эти люди утверждают, Христос — сложная природа (это нелепая основа рассуждений Севира), то она либо родовая, либо единичная. Иной ведь, промежуточной между этими, и измыслить нельзя. А если Христос — родовая природа, то ясно, что

она сможет приписываться многим вещам, различающимся числом, и будет существовать в них только мысленно, не познаваясь самостоятельно в какой-либо ипостаси, без привходящих свойств отдельных вещей, которые под неё подпадают. Таковы ведь определение и логос всякой родовой природы; и получится у нас множество Христов вместо одного, отнюдь не имеющих никакого тождества с Богом и людьми, по правдобрствующему безумию Севира, ненужному и неукротимому. Если же Христос — единичная природа (умолчим о том, что природа вообще <520> не может быть определена одним лицом), да даже если, в конце концов, они приведут как некий великий и неопровержимый пример совершенно вымышленную птицу Феникс, о котором я боюсь что-либо сказать, чтобы не посмеялись знающие над моей глупостью, — мне ведь придётся доказывать выдуманность выдуманного!³⁹ Ведь если Феникс — птица, то он непременно есть и животное. А если он животное, то, прежде всего, вовсе не единичен, поскольку он есть животное. [298] Затем, раз он животное, то он есть и одушевлённое чувствующее тело. А если Феникс — одушевлённое чувствующее тело, то ясно, что он подвержен рождению и гибели. Спросим же самих этих мудрых созерцателей сущего: возможно ли, чтобы какое бы то ни было из подверженных рождению и гибели одушевлённых чувствующих тел обладало по ипостаси единичной природой? когда очевидным признаком их существования и определением является чередование друг за другом внутри вида. Как свидетельствует и Божественное Писание, дающее неколебимое основание разуму, когда в нём Бог так наставляет великого Ноя: «И сказал Господь Ною: войди ты и все семейство твое в ковчег, ибо тебя увидел Я праведным предо Мною в роде сем. И всякого скота чистого введи к себе по семи, мужского пола и женского, а скота нечистого по два, мужского пола и женского; и всех птиц небесных чистых по семи, мужского пола и женского, а всех птиц небесных нечистых по две, мужского пола и женского, чтобы рассеять семя по всей земле» (Быт 7:13). У них — раз Феникс причисляется к летающим животным — согласно Божественному речению нет единичной природы по ипостаси, так что, как я уже сказал, не будем этого утверждать; мне не доставляет удовольствия спорить из-за того, что не необходимо. Совершенно ясно всем, что если Христос в самом деле есть единичная при-

³⁹ Некоторая синтаксическая несвязность этого предложения призвана передать соответствующее свойство исходного текста. — *Прим. пер.*

рода, то Он не единосущен ни Богу и Отцу, ни людям. Ведь всё, что совершенно единично по природе, полностью отчуждено от природного сродства с чем бы то ни было иным. Если же, по мнению этих людей, как показало рассуждение, Христос по природе отчуждён от всего сущего, потребуем, чтобы они сами сказали, что Он есть по природе и по какой причине поклоняются они Христу, Который по их богохульным наставлениям и вовсе не существует <521>.

Значит, коли столь великая и страшная опасность, как доказала сила рассуждения, неизбежно преследует тех, кто утверждает, будто Христос един по природе, или же есть одна природа, будь то простая или сложная, а сложная — [299] или родовая, то есть общая, или единичная, то есть собственная, — будем самым бдительным образом блюсти наши сердца чистыми от этого учения, чтобы освободиться от грядущей кары за него. Будем благочестиво исповедовать во Христе, по причине природной инаковости, или различия, и двойственность природ, сохраняющихся и после соединения, из которых Он состоит, как целое из частей, так что части никак не совпадают друг с другом по природе, пока каждая сохраняет безущербно логос собственной природы в противопоставлении другой; и единство по причине ипостасной тождественности, так что во Христе как в целом невозможно из-за различия вообще никакое разделение, или рассечение, пока считается и до соединения с плотью, и по воплощении одной ипостасью и почитается нами и славится как Одно из Лиц Святой царственной Троицы. Ибо единичная ипостась Христа как целое никоим образом не разделяется крайностями по отличающей её особенности, которой она отграничивается от них. Крайностями же я называю Бога-Отца, от Которого до веков Христос родился как Бог, и Святую Преславную Деву и Мать, от Которой Он ради нас родился как человек. Благодаря родству своих частей с обеими крайностями единичная ипостась сохраняет без умаления тождественность по сущности; принимая в них логос различия, Христос не выходит из Своей единичной ипостаси. Ведь любая целокупность, и в особенности сложная, созерцаемая состоящей из различных частей, сохраняет в единичности тождественность собственной ипостаси и неслитное взаимное различие своих частей, благодаря которому сущностный логос каждой части остаётся неизменным по отношению к другой. Точно так же и части в сложении друг с другом, сохраняя в неприкосновенности природный логос, составляют одну

нераздельную целокупность, в которой единый ипостасный логос сохраняется совершенно нераздельным.

Значит, раз сопутствующее истине рассуждение доказало, что во всех отношениях кощунственно вещать, будто единость во Христе [300] присутствует по логосу природы, как и обратное — будто двойственность присутствует по логосу ипостаси; ведь одно из этих положений свойственно зловонной ереси Аполлинария, сливающего и смешивающего природы в одну природу и делающего устройство совершенно неразличимым, потому что по-настоящему он не признаёт существования никакой природы после соединения. <524> Ведь уклоняется от собственного бытия всё, что переходит и превращается одно в другое. Другое же положение принадлежит иудействующему помешательству Нестория, разделяющего единую ипостась на две ипостаси и отрицающего всё устройство тем, что отказывается утверждать ипостасное сущностное соединение Бога-Слова с плотью; мы же правильно и как надлежит будем вести речь, возвращая к истине искажённые слова и утверждая двойственность по логосу природной инаковости, то есть различия, а единичность — по логосу ипостаси, чтобы и разность природ, из которых состоит Христос, сохранилась в Христе после соединения, и единая тождественность ипостаси воплотившегося Бога-Слова точно так же осталась без умножения. Ведь противоположное изложение и исповедание дела уничтожает подразумеваемое еретиками, так как истина совершенно не допускает, чтобы прямые именованья вещей переходили друг в друга. Поэтому мы исповедуем Христа двумя природами, как я сказал, по логосу различия между природами, из которых Он состоит и которые сохраняются в Нём и после соединения, ибо Он, один и тот же, есть и Бог, и человек после соединения.

О том, что утверждающий, что после соединения Христос есть Бог и человек, необходимо должен исповедовать после соединения и соответствующие этим именованьям природы, если желает право верить

Если же, по всеобщему исповеданию, Христос после соединения есть Бог и человек, ясно, что после соединения воистину утверждается и то, что соответствует этим именованьям. Ведь действительность постигается мыслью прежде своего именованья, да и не могло бы никак существовать именованье без действи-

тельности, от себя дающей именованию утверждение и принимающей взамен обозначение. Если же действительностью, к которой относятся именованья, Христос по соединении не обладает, то окажется, по учению этих еретиков, носителем пустых названий [301] безо всякого значения и действительности, и будет Христос, по их учению, Богом и человеком лишь по имени, а не на самом деле, — а этого что уж может быть нечестивее? Если же они не захотят быть до такой степени безумны и скажут, что наименования Христа после соединения не лишены действительного значения, то как не отказываются утверждать два наименования Христа после соединения, так же пусть утверждают после соединения и две природы Христа, из которых и в которых Он состоит и к которым относятся наименования, если только в соответствии с истиной верно исповедуют, что после соединения соединившиеся природы сохраняются действительным образом.

О выражении «в двух», и благочестивое исповедание единой воплотившейся природы Слова по учению Отцов, и отрицание единой сложной природы

И мы опять-таки верим, что Он существует в двух природах, то есть в Божестве и человечестве. Ведь как мы, утверждая, что Христос состоит из двух природ, мыслим Его состоящим из Божества и человечества как целое из частей, так же и утверждая, что Он существует после соединения в двух природах, верим, что Он существует <525> в Божестве и человечестве как целое в частях. Части же Христа — Его Божество и человечество, из которых Он состоит и в которых существует. А с другой стороны, научены мы и в единую природу Бога-Слова, воплотившуюся во плоти с умной и разумной душой, веровать и её утверждать и провозглашать, по учению святого Кирилла; говоря же о «воплотившейся», разумеем привнесённую сущность нашей человеческой природы. Также и всё того же и единого Христа чудеса и страдания, и два Его рождения — предвечное от Отца бесплотным образом и временное от Матери и Девы ради нас плотским образом. Поэтому воистину и действительно Богородицей Её исповедуем, ибо рождённого от Отца прежде всех веков Бога-Слово Она родила в последние времена воплотившимся от Нее. Единой же сложной природой называть Христа мы совершенно отказываемся, не только по изложенным причинам, но и потому, что вообще ни один из признанных Отцов до сего дня не употребил этого выражения — совершенно ясно, что оно изобретено еретиком Аполлинарием

и его последователями, а Севир, [302] восприняв их заблуждение, разумеется, красуется и их выражениями. Ведь Христос не есть природная единица по сложению, как учат Аполлинарий и Севир, раз и после соединения в Нём сохраняется неслитная инаковость природ, из которых Он состоит. Не есть Он и ипостасная двоица, как учит Несторий, раз сошедшиеся части отнюдь не существуют самостоятельно и раздельно друг от друга, а воплотившийся Бог-Слово — един и после воплощения, и соединившуюся с Ним плоть, одушевлённую умом и разумом, воспринял не ипостазированной предварительно логосом собственной природы; но по учению Отцов Он есть единая сложная ипостась, в которой Он есть полностью Бог и Одно из Лиц святой всеславной Троицы с прибавлением человечества посредством Божества, и полностью человек и один из людей с прибавлением Божества посредством человечества.

Рассуждение о сложной ипостаси, основывающееся более на природе, и точное доказательство того, что исповедующие единую сложную ипостась Христа не впадают в ту же нелепость, что и говорящие, будто Христос — единая сложная природа

Если из-за того, что любая сложная ипостась обладает-де современными друг другу частями, кто-то заключит, что утверждающие единую сложную ипостась Христа измышляют такую же нелепость, то, по-моему, он мыслит неправильно. Ведь не вообще любая сложная ипостась имеет части, современные друг другу по возникновению, а ясно только такая, которая подпадает под понятие сложной природы и принадлежит к такому виду, присваиваемому ей; она, в общем и целом по приписываемой ей сущности, то есть природе, обладая объединённой <528> совокупностью присущих ей свойств, есть природа со свойствами. Значит, если природа, которой она подпадает, является сложной, как и вид, к которому она относится, то совершенно неизбежно, что и сама ипостась будет сложной, и её части будут современны друг другу из-за присваиваемой ей сущности, то есть природы, существующей таким образом, что она совпадает с видом, за исключением её определяющих признаков. [303] Ведь как мы при определении ипостаси просто говорим: «Ипостась — это некая сущность со свойствами, или же некая сущность, содержащая каждое из всех свойств, которые присутствуют в отдельной единичности», так же и о дополнительно определяемой ипостаси, а не об ипостаси

просто, говорим: «Сложная ипостась — это некая сложная сущность со свойствами, или же некая сложная сущность, содержащая каждое из всех свойств, которые присутствуют в отдельной единичности». Ведь свойства, усматриваемые во всех единичностях одного и того же вида, прежде всего отмечают род сущности или природы в относящихся к ней отдельных единичностях. Ведь сложность есть общее свойство всех отдельных единичностей, относящихся к сложному виду; следовательно, сложность отличает прежде всего сложную природу в относящихся к ней единичностях, а не ипостась.

Кроме того, опять-таки всякое определение отдельных единичностей основывается на общих свойствах, под которые они подпадают, и описание всего, что подпадает под них, естественно берёт начало с родовых свойств, так как ясно, что определяется то, что существенно и первично. Если же это верно — а так оно и есть, — ясно, что утверждающий сложность ипостаси, возводимой к природе, тем самым обнаруживает по общему роду сущности и наличие ипостаси вместе с отличающими её свойствами. Так что говорящий о сложной ипостаси, подпадающей природе, не о чём другом говорит, как о природе, или же сущности вместе со свойствами. Значит, если, как доказано, любая сложная природа произвольно содержит в себе части, сходящиеся друг с другом по сложению, и обладает современными друг другу частями, и возникает ради восполнения усматриваемой в сущих целокупности в каждом роде, то ясно, что любая ипостась естественным образом обладает бытийным устройством (*περὸς τὸ εἶναι τῆν σύστασιν*) одинаковым с собственным родом и видом и неизменным. Пусть же эти еретики покажут, что сложная ипостась Христа подпадает сложной природе, и заключат, что её части современны, и справедливо обвинят нас в том, в чём сами порицаются. Пока же им это не удалось, [304] они основывают свои учения на зыбучем песке. Ведь кто по невежеству силится подчинить Христа вышесказанным нелепостям, потому что Он и есть сложная ипостась, и нами таковой благочестиво исповедуется, далеко отклоняется, блуждая, от ведущего к истине пути — а точнее, от самой истины. Ибо великая и святая тайна Христа и <529> не имеет какой-либо общей и родовой природы, приписываемой ей как вид единичности, и сама не является родом или видом, приписываемым подпадающим ему по природе единичностям, чтобы её можно было подчинить какому-нибудь из приведённых правил, потому что соединение Бога-Слова с плотью

по сложению не равно и не подобно вещам, сложным по взаимному схождению частей.

О том, что соединение Бога-Слова с плотью произошло единственно по принятию, так что Он предсуществовал и пожелал истощиться ради соединения с плотью

Ведь во всех вообще сложных по природе вещах составление вида как целого из частей совершается не соединением одного с другим по принятию, а совокупным возникновением частей из небытия по схождению друг с другом одновременно с возникновением совершается составление целого. Тайна же Господа нашего и Бога и Спасителя Иисуса Христа явилась не таким образом, а Бог по природе и по природе Сын Божий, простой и бесплотный, и совечный Отцу, и Создатель всех веков, человеколюбивым волением пожелав, по принятию плоти сделался человеком и ради нас, простой и бесплотный по природе, устроением родился от нас по ипостаси сложным и воплощённым, как вдохновенно говорит святой великий Дионисий Ареопагит в первой главе своего сочинения О Божественных именах, такими словами повествуя о Божественном воплощении: «[Богочалие] как крайне человеколюбивое, ибо Оно воистину полностью сообщилось подобным нам в одной из Своих ипостасей, призывая к Себе и возвышая человеческую падшесть, из которой⁴⁰ составился простой Иисус, и Вечный — принял временную протяжённость, и сверхсущностно превосходящий всякий чин природы — родился [305] в нашей природе»⁴¹.

Значит, раз не по закону и чину природы сложных вещей, а по иному, нежели сложные вещи, установлению сложился неизреченно с плотью Бог-Слово — именно, как громко гласит всем разум истины, по принятию, а не приняв бытие одновременно с плотью по рождении ради исполнения некоего сложного целого по виду — то напрасно неучи пытаются незаконно подчинить природным законам сложную ипостась, превосходящую всякие пределы и логосы природы. Поэтому утверждающий, что вочеловечение осуществилось принятием плоти и предвечное существование Бога-Слова сохраняет, и благочестиво исповедует Его добровольное и предна-

⁴⁰ У прп. Максима здесь пропущено: «неизреченным образом (ἀρρητῶς)». — *Прим. отв. ред.*

⁴¹ *Дионисий Ареопагит. О Божественных именах, I, 4 [113, 6–11 (Suchla)]. В переводе сохранен синтаксис, используемый при цитировании Ареопагита прп. Максимом. — Прим. отв. ред.*

меренное воплощение во времени, и соблюдает неслитно различие между принимающим Словом и принятой плотью и после <532> соединения. Тот же, кто исповедует, будто Бог-Слово вочеловечился без изменения не принятием плоти, никак ничего из сказанного не сможет истинно исповедовать. Ибо каким образом, если не предсуществовал безначально Бог-Слово, по своей Воле принял Он плоть, отличную по сущности? Потому-то главным образом, как мне кажется, и говорится, что соединение с иноприродным произошло посредством принятия, причём так, что Единственный единственным образом без претерпевания воистину принял иносущностное и всячески и во всех отношениях сохранил Себя без изменения или умножения, а принятое — неизменным, что невозможно для сотворённой природы, в которой одновременно с возникновением частей ради восполнения некоего целого по роду при совокупном их схождении друг с другом возникает и вся сложная вещь, сохраняющий в общем равное отношение частей друг к другу, как это имеет место в нас и в существах, получивших в удел сложную природу по виду. Ведь у нас душа располагает природными способностями тела, соразмерными её собственным действиям, так как тело по природе является её вместителем, а она возникает одновременно и совокупно с плотью. Бог же Слово, собственным природным действиям Которого никоим образом [306] не соразмерны способности Им принятой природы — ведь сверхприродному природа не может быть мерой, да и вообще ничто из сущего по природе не способно Его вместить⁴². Так что Единственный неизреченным образом по изволению стал человеком через принятие плоти, одушевлённой умом и рассудком, как сущий, и предсущий, и всемогущий сверхъестественным образом обновив естество, чтобы спасти человека.

Такую познал я веру и такой научился и у преждеотошедших святых блаженных Отцов наших, и у ещё живущих, которым вверено кормило соборной святой Божией Церкви, ими в пристань воли Божией верно направляемой; в её лоне и я по их молитвам оставляю настоящую жизнь и вместо всяких достоинств поднесу Богу это исповедание — незапятнанное, и непорочное, и возвышающееся над любой бурей ереси. Я ведь не могу похвалиться жизнью, осиянной делами праведности, потому что во всё время земного существования был добровольным нарушителем Божиих законов.

⁴² Некоторая синтаксическая несвязность этого предложения призвана передать соответствующее свойство исходного текста. — *Прим. пер.*

А я по возможности кратко написал вам это, господа мои благословенные, чтобы вы знали, если только есть какая-то польза от писания, как прогнать волков, хотя бы и прикрывшихся отчасти овечьей шкуркой, которые непонятным лаем пугают кротких божественных овец святого стада Христова, и не дали себя увлечь обманом, зловредно притворяющимся истиной; а слов Отцов, подтверждающих церковную веру, пока что не смог я поместить в письме <533> из-за моей крайней скудости в книгах. У вас же есть там, благословенный господин мой, отец и учитель, авва Софроний, воистину благоразумный⁴³ и мудрый заступник истины и неодолимый защитник Божественного учения, который и делом, и словом может сражаться со всякой ересью; кроме всех прочих достоинств, богат он и множеством божественных книг, которыми щедро делится с желающими поучиться Божественному. Так что, посещая его, вы, я уверен, приобретёте правое безошибочное познание спасительного [307] Божественного учения. Желаю вам здоровья.

⁴³ Игра слов: *Σωφρόνιος* — Софроний, *σώφρων* — «благоразумный». — *Прим. пер.*